

РАЗГОВОР

ВЕДЕТ

ПИСАТЕЛЬ

НАШ ЗРИТЕЛЬ

Макс ВРЕМЕНЕР

НАШ зритель — понятие, которым часто оперируют люди театра. Не существует зрителя вообще — однородной массы с одинаковыми представлениями о жизни и искусстве.

Поэтому так трудно говорить о культуре юного зрителя — разговор получается несколько отвлеченным. Но говорить надо. Можно попытаться обобщить несколько разнородных впечатлений.

«Ромео и Джульетта» в Московском ТЮЗе. Спектакль идет хорошо. Особенно хорошо, когда на сцене скрещиваются шпаги. С трепетным, напряженным вниманием ребята следят за поединками — в зале абсолютная тишина. Но вот на сцене появляются главные герои. Звучит острый, предельно драматический диалог... А что происходит в зрительном зале? Внимание рассеивается: кто-то деловито шелестит конфетной бумажкой, кто-то затевает игру. В чем дело? Почему в тех местах спектакля, которые требуют от зрителя наибольшей отдачи, наибольшей сосредоточенности, наибольшей остроты восприятия, нарушается контакт сцены и зала? Ромео склоняется над телом Джульетты. Он думает, что она умерла. В тот же момент в первом ряду кто-то хихает. Зал разражается смехом. Ромео тем временем умирает у ног любимой. Непонимание искусства или неспособность понять? Какая-то умственная лень и душевная черствость — вот неприятные черты, с которыми сталкиваешься иногда у юного зрителя.

Может быть, не очень многочислен, но всегда заметен на спектакле зритель, который пришел в театр заранее настроенный на развлечение. Он готов к восприятию забавного и смешного и глух ко всему иному, к тому, ради чего и создавался, наверно, спектакль. Если в произведении комические, забавные сцены чередуются с драматическими, то в моменты, когда смеяться нет поводов, такие зрители сами принимают увеселять друг друга. Так возникает смех во время одной из самых драматических сцен спектакля «Убить пересмешника».

Я вспоминаю такой случай. В одной школе проводилось обсуждение книги рассказов. В ходе этого обсуждения вдруг выяснилось, что книга, о которой шел разговор, была прочитана участниками беседы

только накануне. Казалось, впечатление должно быть непосредственным и свежим, но оно не было таким. Почему? Оказалось, что ребят собрали после уроков в классе и читали им вслух рассказы за разговором.

«Да как же вы сумели прочитать вслух целую книгу?» — спрашиваю я учительницу.

«Кое-что пришлось опустить, — замечает она вскозь, — читали самое главное. Иначе ребята не успели бы подготовиться к выступлению».

Конечно, такая подготовка приносит только вред, даже больше вреда, чем кажется на первый взгляд.

Общение с книгой — процесс сложный, интимный. «Прочитал книгу», — за этими словами для меня стоит: «Прочитал, оставшись с книгой наедине, своими глазами».

Тот, кто привык судить о книге по случайно выхваченным кусочкам, кто читает лишь то, что кажется ему необходимым для развития сюжета, тот, и придя в театр, не сможет сосредоточиться на всем спектакле, будет смотреть вполглаза и слушать вполуха, а глазный смысл увиденного ускользнет.

Юный зритель нуждается в воспитании. Тут есть, мне кажется, несколько путей. Первое: ребята должны твердо знать, что им предстоит увидеть. Будет пьеса драмой или комедией, классической или современной.

И самое главное: надо учить зрителя мыслить и оценивать искусство с позиций жизненной правды. Как практически построить воспитание зрителей? Конечно, главная форма общения между зрителем и театром — спектакль. Но, очевидно, одной только этой формы недостаточно.

При Ленинградском ТЮЗе, например, уже много лет существует «делегатское собрание». Что это такое? Это ежегодно переизбираемый активный детский парламент, в него входят ребята-старшеклассники, любящие театр. По два делегата от каждой школы-города. Здесь они знакомятся с работой актеров, режиссера, театрального художника. Возникает тесное, постоянное общение между театром и зрителем.

Зритель, он же и читатель, выражает свое отношение к спектаклю или книге и во время восприятия (смех, аплодисменты, глубокое внимание к про-

исходящему на сцене или, наоборот, невниманию, неотрывное чтение «залпом» или небрежное перелистывание) и позже, рассказывая о своем впечатлении от увиденного и прочитанного. Мне знакомы два вида уверенно выступающих зрителей или читателей. Один из них я попытался изобразить в своем недавно написанном рассказе:

«Люда неторопливо поднялась на сцену. Она довольно часто выступала, спокойно и без смущения. В последний раз (это запомнилось Виктору) — на встрече с писателем. Писатель приезжал в их школу зимой и сидел за столом с краю, как сейчас Рома Анферов, а Люда стояла там же, где сейчас, и говорила, глядя попеременно то на гостя, то на ребят:

— Пусть писатели почаще заглядывают к нам в школу. Это поможет им повысить качество их книг. Мы подскажем им новые темы и идеи, которые, мы надеемся, они сумеют воплотить».

Писатель растерянно глядел на уверенную Люду. Может быть, он не надеялся, что сумеет воплотить все темы, какие ему подскажут. А может быть, его поразило, что, на взгляд этой девочки, подсказать писателю тему — несложное дело...».

Но было бы несправедливо не сказать о другом типе уверенно выступающих зрителей — о выступающих уверенно и справедливо. Я не забуду убежденной и в то же время застенчивой речи комсомольца-восьмиклассника на художественном совете театра, где обсуждалась новая постановка. Юноша был постоянным зрителем театра, новый спектакль его взволновал, он с интересом и уважением слушал речи профессионалов: режиссеров, актеров, критиков. Но когда один из них, человек зрелых лет, стал говорить о том, что в спектакле будет неверно понято юношами и девушками, — восьмиклассник, с трудом дождавшись конца его речи, стал горячо ему возражать. Он говорил о своем понимании увиденного — оно было верным, глубоким, тонким и ни в чем не совпадало с тем ложным пониманием, которого опасался выступавший перед ним оратор.

То, что говорил юноша, было так убедительно по мысли и отточено по форме, что тот, кому он возражал, спросил, как будто ожидал услышать известное имя:

— Кто это?

Постановщик спектакля ответил коротко и гордо:

— Наш зритель.

Такой зритель и в самом деле достоин того, чтобы им гордились, но воспитать его совсем не просто — право, не проще, чем создать художественное произведение... И, однако, только его мы с полным основанием вправе назвать своим.